

помогли уточнению моих подходов к ряду вопросов, идущих где-то в фарватере его взглядов, близких к ним.

В последний раз я виделся с ним в августе 1955 г. Я уезжал с семьей из Кисловодска через Сочи в Ереван. Стоя у открытого окна вагона, я вдруг увидел Аршака Абгаровича с супругой Ниной Степановной, идущих вдоль состава и внимательно всматривавшихся в окна. Увидев меня, они радостно заулыбались, подошли к окну и, узнав о маршруте моего следования, попросили о пустяковой услуге: передать в Сочи конверт их сыну Георгию (московскому радиоинженеру), о чем они известят телеграммой. Я с готовностью выполнил не представлявшую, по существу, никакого труда просьбу. Но надо было видеть, как с достоинством и одновременно чувством благородной признательности они попрощались со мной, как будто речь шла о чем-то жизненно важном.

После этого я больше не встречался с Аршаком Абгаровичем. Наступила зима, он занемог, редко выходил из дому и, как я уже упоминал, 17 февраля 1956 г. ушел из жизни, оставив по себе навсегда добрую память.

Я с искренней благодарностью и светлым чувством вспоминаю содержательные, интеллектуально насыщенные, мудрые и, к великому сожалению, недолго продлившиеся и не столь частые, как хотелось бы, встречи с ним. Но он всегда рядом, ибо я в сфере его любимой эстетики и истории армянской эстетической мысли.

*Я. И. Хачикян. Наедине с ушедшим.
Калейдоскоп воспоминаний, Е., "Айагитак", 2002*

Г. Г. ТИГРАНОВ

ВЫСОКАЯ КУЛЬТУРА МЫСЛИ

Аршак Абгарович Адамян — один из наиболее ярких, интересных и оригинально мыслящих представителей армянской художественной культуры XX века. Философ, эстетик, публицист, музыковед, композитор, педагог, общественный деятель... Вот различные грани его разносторонне одаренной, широко эрудированной личности. Большую известность получили его труды, исследования, циклы лекций по истории философии, эстетики, по актуальным проблемам

искусствознания нашего времени. Он вобрал в себя лучшее, что было накоплено в области философии и эстетики, начиная с древних времен и до XIX—XX вв. [...] Философию, литературу, искусство он понимал как особые формы общественного сознания, идеологии, в их социальной детерминированности. Именно с этих позиций он рассматривал явления искусства. Его аналитическая мысль была направлена на познание идейно-образной концепции того или иного явления искусства, рассматриваемого в единстве содержания и формы. Он всегда стремился уяснить себе место искусства в жизни общества, в противоборстве различных социальных сил. По широте своего кругозора и глубине мысли он был подлинным гуманистом.

Это был ученый в самом высоком смысле слова. Его научные работы отличаются богатством материалов, самостоятельностью и смелостью суждений, безупречной логикой. Чуждые любым проявлениям догматизма, упрощенчества, его труды никогда не носили «вторичного» характера и всегда выражали четкую позицию, точку зрения самого автора. Свои суждения Аршак Абгарович высказывал прямо и категорично, что вызывало порою нарекания на него. В дискуссиях, научных спорах он был неотразим. Опровергая, а иногда и сокрушая и подавляя своих оппонентов силой ума, убедительностью доводов, он оставался неизменно спокойным и выдержанным.

Человек тонкого и сильного интеллекта, широчайшей образованности, огромного опыта и личного обаяния Аршак Абгарович всегда был окружен друзьями, коллегами, учениками, молодежью. Он был добрым советчиком, непререкаемым авторитетом как в серьезных научных проблемах, так и бытовых житейских вопросах. Среди людей, с которыми он общался, были композиторы (А. Спендиаров, Р. Меликян, А. Степанян и другие), философы (Фингер, Чалоян, Асмус), теоретики музыки (Х. Кушнарев, Ю. Тюлин) и многие другие.

А. А. Адамян очень любил музыку, особенно классическую. Подлинным кумиром его был великий Бетховен. Аршаку Абгаровичу были близки возвышенные гуманистические идеалы композитора, его стремление к свободе, счастью, красоте, героический пафос и глубочайший лиризм его музыки, наконец, сила бетховенской музыкальной логики и симфонизма. Аршак Абгарович любил цитировать гордые бетховенские слова — «музыка должна высекать огонь в сердцах людей», особенно когда говорил о могучей силе общечеловеческого, общенародного воздействия гениальных творений

искусства. Любил он проводить аналогии, сопоставления: Бетховен — Гегель — Гете — Шиллер, Бетховен — революция, Бетховен и наша героическая эпоха.

Вообще ему была близка идея сопоставления различных видов искусств. Памятен в этой связи интереснейший доклад А. А. Адамяна «Шекспир и музыка» на Всесоюзной шекспировской конференции.

Но Аршак Абгарович не только изучал музыкальные явления, он и сам творил; хорошо играл на рояле и даже сочинял музыку, в частности фортепианные сонаты в бетховенском духе. Очень интересовался он оперой; вспоминаю содержательные беседы с ним о «Дон Жуане» Моцарта, «Отелло» Верди, «Пиковой даме» Чайковского, «Войне и мире» Прокофьева, «Алмаст» Спендиарова. Кстати, в этой области Аршак Абгарович активно проявлял свою творческую инициативу. Им написаны серьезные, интересные, соответствующие законам музыкального театра либретто двух опер: «Саят Нова» и «Олава» об освободительной борьбе и расовой дискриминации на юге Африки.

Удивительно умел Аршак Абгарович, говоря, скажем, о Дидро, Гегеле, Шопенгауере, Чернышевском, сочетать глубоко обобщающие категории с конкретным рассмотрением явлений искусства. Ученый с широким кругозором, свободно ориентированный в развитии культуры многих стран, народов, Аршак Абгарович неизменно обращался в своих исследованиях к близкой его сердцу Армении. Диапазон работ, интересов его здесь охватывал период от эстетических воззрений в древней Армении и до творчества армянских композиторов в годы Великой Отечественной войны. Отлично помню нашу совместную работу над этой книжкой, написанной и опубликованной специально к декаде Музыкального искусства республик Закавказья в Тбилиси (1943 г.). Удивительно сочетались в Аршаке Абгаровиче самоуглубленность ученого, прекрасно чувствовавшего себя в мире научных абстракций, с живым интересом к самой жизни, практике, участия в их сложнейших процессах. Здесь хочется вспомнить активную и плодотворную роль Аршака Абгаровича в становлении музыкального профессионального образования в Армении (он был одним из первых директоров Ереванской консерватории). Позже он возглавлял в качестве декана теоретико-композиторский факультет Ленинградской консерватории. Мне посчастливилось часто встречаться с Аршаком Абгаровичем не только по совместной работе в консерватории, Союзе композиторов, но и бывать у него дома и в Ленинграде, и в Ереване,

хорошо знать его семью и особенно его верную подругу, спутницу всей его жизни, стойко делившую с ним дни радостей и горестей, — обаятельную Нину Степановну. К ней Аршак Абгарович относился истинно по-рыцарски.

Сам Аршак Абгарович был всегда сдержан, собран, приподнят над суетой сует, он был скромен в своих бытовых запросах, но безгранично требователен — в духовных. Ему была присуща подлинная интеллигентность в самом высоком смысле слова. Каждый, кто общался с ним, помнит его выразительное и по-своему красивое лицо Мыслителя, Учителя, изысканность его облика, пластичность его движений. И это он никогда не терял, даже в трудные дни своей жизни, даже тогда, когда был тяжело болен.

Общаться с Аршаком Абгаровичем было чрезвычайно интересно, полезно. Он щедро делился своими знаниями, своим опытом; но не только, — он будил мысль, давал импульс и направление их развитию. Иногда какой-нибудь один вопрос заставлял его пересматривать, казалось, уже законченную работу. Вместе с тем беседовать с ним было и «опасно», и на это решался не каждый. Слишком высоки были его интеллектуальный уровень, его образованность, его блестящее мастерство полемиста. И любая твоя небрежность, неосведомленность, непродуманность сразу же «высвечивались», становились недопустимыми и даже смехотворными. Хотя сам Аршак Абгарович никогда не позволял себе высмеять или унижить собеседника, даже самого молодого и неопытного.

Вот уже более 30 лет, как нет среди нас Аршака Абгаровича. Но память о нем у всех, кто имел счастье знать его и общаться с ним, сохранила полностью его живой вдохновенный образ.

24 февраля 1983 г.

Н. И. РОГОЖИНА

Несколько строк воспоминаний, предпосланных публикации писем А. А. Адамяна.

Облик Аршака Абгаровича Адамяна в моей памяти неотделим от студенческого периода жизни, когда вокруг Историко-теоретического факультета Ленинградской консерватории были сконцентрированы такие выдающиеся теоретики и историки музыки — профессора и молодые преподаватели, как Ю. Н. Тюлин, Х. С. Кушнарев, Р. И. Грубер, С. Л. Гинзбург, С. Н. Богоявленский, М. Г. Гergiлевич, А. Л. Островский, А. Н.